

На том же месте — эпизод 1 из 2

Когда случается бывать в давно известных местах, неизбежно у каждого встают в памяти образы людей, с которыми здесь встречался, говорил, работал и жил годами. И странным кажется порядок этого архива памяти.

ККЗ

+ Cu

S = БА

.

Такая формула оказалась на полях старой записной книжки-календаря.

Где писано, по какому поводу — забылось основательно.

В обычных условиях и то трудно вспомнить условную пометку через десять — пятнадцать лет. А тут где же!

В годы войны и революции у каждого отложилось в памяти столько яркого, что прежнее, дореволюционное, совсем потускнело и порой безнадежно стерлось.

Формула все-таки кажется занятной. Усиливаюсь разобраться в ней, но ничего не выходит.

Только пуск Гумешевского завода открыл ящичек памяти, где хранилась эта крупинка прошлого.

Вспомнилось отчетливо, до мелочей.

Перед революцией этот рудник давно уже был безлюдным, заброшенным полем. Вблизи его чадил маленький сернокислотный завод Злоказова.

Отработанная вода, без всяких отстойников, спускалась через речку Железенку в Северский пруд. Северчанам после длительной и дорого стоившей тяжбы удалось добиться официального запрещения Злоказову спускать воду без ее очистки или обезвреживания.

И вот с той поры на старом руднике появился человек, которого вскоре прозвали «безвредный старичок».

Работа у него была столько же простая, сколько бессмысленная. Он должен был время от времени бросать в отработанную воду кислотного завода лопатку извести. О мере лопатки ему было сказано:

— Какую сделаешь.

А число определено с приближением:

— Штук десять — пятнадцать в час.

Старик был точным исполнителем. Чтобы без часов не ошибиться в счете, он придумал свой прием. При каждом отбивании часов на конторской каланче нагребал из большого закрытого ларя в маленький ящик пятнадцать лопаток извести, постепенно сбрасывал ее, а при следующем отбивании часов встряхивал остатки и нагребал ящик вновь.

Толку от этого было немного. Рыба дохла по-прежнему, но жаловаться уже было нельзя: меры принимались.

Старик, разумеется, не хуже других понимал никчемность своей работы, знал, что никто за ним и не думает следить, но все-таки выполнял ее с редкой аккуратностью. Когда над его работой смеялись, он говорил:

— Наше дело какое? Так велено.

Площадка старого Гумешевского рудника, даже в годы ее полного безлюдья, мне кажется живой. Стоит увидеть или только вспомнить о ней, как память немедленно выведет толпу теней из семейных преданий, из рассказов и личных наблюдений. Тут выплывает много образов — враждебных и дружественных, печальных и забавных, жутких, отвратительных. И все-таки на первый план все отчетливее выступает безыменная фигура «безвредного старичка».

Так и видишь — сидит он, сухощавый, с серебряной бородкой и выцветшими глазами, среди унылого рудничного поля, вблизи старой обрушившейся шахты и без улыбки методически сбрасывает деревянной лопаткой известь в речку Железенку.

— Наше дело какое? Так велено.

В один из моих приездов на Гумешки мы с товарищем ребячьих лет расположились как-то неподалеку от «безвредного старичка».

Не видались давно. Оба изменились, стали взрослыми. Я уже не первый год учительствую. Он — рабочий кислотного завода, давно харкает кровью.

Сладковато-тошнотворный дым кислотного смешивается с удушливо-вонючими клубами, которые, не переставая, густо лезут из высокой

трубы ватер-жакета. Медленно ползет этот тяжелый дым в сторону леса, который уже заметно покраснел и чахнет.

— Вишь, сволочи, что делают! — кивает мой приятель на ватер-жакет. — Ведь газ-от этот для нашего дела самый дорогой, а они им воду травят да лес портят. А почему, думаешь?

И, не дожидаясь моего ответа, объясняет:

— Хозяева разные. Сговориться не могут.

Потом задумчиво прибавляет:

— Может, тут и химия есть; только особенная. Сразу ее не разберешь...

— Какая это?

Мой приятель оживился и, понизивши голос, стал быстро гнать слова:

— Вот видел наше дело? Сыплют сверху молотый колчедан. Он тебе горит сам, без дров. Дым в камеру идет. Известно — горит сера и дым серный, а в камере так устроено, что брызги воды есть. Мелкие, размелкие. Вот из газу и этих брызгов кислота и выходит. Ну, крепкой водки сверху пускают маленько. Митраты называются. Чтобы, значит, скорее вода с газом соединялась. Это, брат, понять хоть кому... Очень даже просто. А ты мне вот какую химию разъясни... Слыхал про каслинских Злоказовых?

— Ну как же. Известные кабатчики. Три брата. Сперва башкир обставили, землю у них за гроши купили, потом винокуреньем занялись. Главный завод в Черкасиуле, в Воздвиженке стекольный. У Петра еще суконная фабрика в Арамили, у Федора большой пивной завод.

— Вот, вот, эти самые! Теперь Федор-от, наш здешний хозяин, баронетом Англии каким-то сделан. Чин, сказывают, очень большой, выше генеральского. А с чего это? Не за пиво, поди? А? Все кабатчиком был, а как занялся колчеданом — сейчас же баронет. Тут вот химия и есть! Каки-таки митраты подпущены, чтобы из каслинского кабатчика английского баронета сделать? Разберись-ка вот...

И верно. Казалось непонятным, почему один из Злоказовых получил звание, которое ему как будто ни с какой стороны не подходило.

На полях записной книжки тогда и появилось кабалистическое сокращение беседы ККЗ

+ Cu

S = БА

. Читал его тогда так: каслинских кабатчиков Злоказовых трое с прибавлением сернистой меди равняются одному баронету Англии.